

ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

ПОСТРОЕНИЕ САМОИДЕНТИФИКАЦИОННЫХ МОДЕЛЕЙ: ЛАТИНОАМЕРИКАНСКАЯ ЦИВИЛИЗАЦИОННАЯ ВЕРСИЯ*

Часть первая. От начального периода
освоения континента к XX в.

О.Ю. Бондарь

Кафедра социальной философии
Факультет гуманитарных и социальных наук
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 10а, Москва, Россия, 117198

Процесс построения самоидентификационных моделей рассматривается на примере пограничных цивилизаций, выявляется его сложность и специфика, зависимость от исторического и культурного контекста. Автор пытается раскрыть поиск сущности Америки и ее человека с учетом двух перспектив: внешней — европейской и внутренней, идущей изнутри американской реальности.

Ключевые слова: инаковость, Конкиста, мифологема, Новый Свет, открытие, пограничная цивилизация, самоидентичность, сущность Америки.

О специфических признаках пограничных цивилизаций. В последние десятилетия в латиноамериканистике ведется активная работа по изучению неклассических цивилизационных образований, разрабатывается методологический инструментарий для их системного исследования. Основанием переориентации исследовательского интереса с классических на неклассические объекты стали радикальные перемены в социокультурной, соответственно, в познавательной ситуации, произошедшие во второй половине XX в. Специфика возникшего полицентричного мира стала определяющей в вопросах описания его существования и развития, что потребовало нестатического подхода в исследовательских стратегиях.

В качестве основания деления цивилизационных образований на классические и неклассические выделяют наличие в них принципов единства — многообразия, гомогенности — гетерогенности. В таком контексте «правильный», т.е. классический объект понимается не как идеальная сущность, выраженная в абсолютной однородности своих составляющих. Неоднородность и многообразие присутствуют в любой цивилизационной системе в виде ее культурного или этнокультурного разнообразия. Вместе с тем любая система представляет собой целостность, единую во всем многообразии ее составляющих элементов. Особенностью образова-

ний классического типа является принцип единства, определяющий превалирование тенденций к целостности, органической однородности системы. Внутрицивилизационное пространство такой системы устойчиво, органически структурировано. Примером подобного принципа-основания может служить монолитный религиозно-мировоззренческий фундамент, сложившийся на базе мировых религий. Хрестоматийными примерами классического типа являются: западно-христианская, индийская, китайская, исламская цивилизации.

В отечественной науке классические цивилизационные образования, в границах которых наднациональная культура приняла окончательный вид и выработала самостоятельную философию или мировую религию, вобравшую в себя философские традиции, получили определения «субэкумен» (1). Неклассические объекты стали определяться как «пограничные» («стыковые», «пороговые» или «лиминальные» (В. Тернер), «периферийные»). Они возникли на периферии стабильных крупных цивилизационных образований, в зонах перехода последними своих границ, в зонах их стыка с иными культурами или цивилизациями [3. С. 96]. Отличительной особенностью подобных систем выступает принцип гетерогенности. Тенденции к неоднородности в них доминируют. Конструкциям этого типа свойственна неустойчивость, внутрицивилизационное пространство здесь разнородно, чаще расколото, религиозно-мировоззренческий пласт представлен качественно отличными, а порой и несовместимыми базовыми идеями и установками. К этому типу относятся иберийская, балканская, турецкая, российская и латиноамериканская цивилизации.

Превалирование того или иного принципа в цивилизационном образовании определяет его специфические признаки. Представляется возможным выделить основания для сравнения характерных черт классических и неклассических образований, опираясь на различные исследования, проведенные В.Б. Земсковым и другими авторами по этой проблеме (табл. 1).

Таблица 1

Характерные черты классических и неклассических цивилизаций

Классические цивилизации	Неклассические (пограничные) цивилизации
Уровень структурированности полей культуры	
Высокий уровень структурированности идеального поля определяет высокий уровень структурированности феноменологического поля; внутренний системообразующий принцип имеет продуцирующий характер и обеспечивает плодотворную цивилизационную модель	Уровень структурированности обоих полей низкий; природу механизмов культурообразования и их функционирования определяют внутренние напряжения и контртенденции; цивилизационной модели присуща неполноценность
Характер и направленность движущих сил развития цивилизации	
Силы разнонаправлены: «вовнутрь» собственной системы, структурируют ее внутреннее пространство, «вовне», по направлению к иным культурам	Процесс формирования носит циклический характер, сопровождается «разрывами»; инверсии регулируют механизм развития
Доминанта, уровень способности к саморазвитию	
Присутствует определенная, ярко выраженная доминанта, ее интенсивный характер становится фактором, определяющим/задающим развитие цивилизации; уровень способности цивилизации к саморазвитию высокий	Синкретический характер доминанты тормозит либо парализует способность цивилизации к саморазвитию; структура/поле культуры неоднородны, их составляющими выступают феномены различных хронологических срезов — от архаики до современности; активация архаических феноменов может носить перманентный характер

Классические цивилизации	Неклассические (пограничные) цивилизации
Объективное — субъективное, уровень преодоления синкретиза и историческая динамика	
Процесс дробления синкретиза энергичен, это стимулирует историческую динамику; высокий уровень способности включения и ассимиляции элементов иных культурных традиций с различными историческими хронологиями; рационально направленная деятельность мышления обуславливает появление инновационных смыслов; акцент на объективном	Процесс распада синкретиза блокирован либо замедлен, что определяет слабую способность к историческому развитию; перманентное взаимодействие противонаправленных традиций (Восток — Запад, Новый Свет — Старый Свет) порождает неустойчивость структуры; акцент на субъективном, растворение субъекта в культурном синкретизе; болезненная модернизация
Культурообразующие механизмы и структурная цивилизационная основа	
Стратегическая роль принадлежит культурному синтезу; основа классического цивилизационного образования — синтетические взаимосвязи; преобладание элементов органического структурного единства обеспечивает устойчивость; классические цивилизации — результат реализованного и завершенного процесса культурного синтеза	Стратегическая роль принадлежит культурному симбиозу; основа неклассических образований — симбиотические взаимосвязи, которые придают неустойчивость; определяющая характеристика неклассических образований — незавершенность и нереализованность культурного синтеза

Дополнив разграничение классических и неклассических объектов уровнем цивилизационного самосознания, становится очевидным, что проблема идентичности для классических цивилизаций, в силу завершенности процесса культурного синтеза, не имеет первостепенной важности или не стоит столь остро. Что же касается неклассических образований, то в них проблема самоопределения — это своего рода «ахиллесова пята». В этом отношении исследовательский интерес представляет латиноамериканская цивилизация как неклассическая, ставшая одной из зон перехода западноевропейской цивилизации.

Латинская Америка: к истории возникновения понятия. С момента включения в европейскую историю континент неоднократно подвергался переименованию. Уверенность Христофора Колумба в том, что он обрел искомые земли, определила судьбу исторически первого названия «Индии». Заблуждение генуэзца разъяснится со «вторым» открытием, и поправка будет внесена в виде очередного имени «Новый Свет», которое указывает на полное несовпадение со Старым Светом, с великой триадой — Европой, Азией, Африкой.

Принято считать, что второе открытие континента, равно как авторство в его названии, принадлежит Америго Веспуччи — участнику экспедиции 1499 г. Существует и другая точка зрения, согласно которой пальма первенства в отношении авторства принадлежит итальянцу Пьетро Мартире д'Ангиера, служившему при испанском дворе и более известному как Педро Мартир. П. Мартир вел переписку с Ватиканом, начиная уже с 1488 г., где сообщал о кампаниях, предпринимаемых испанским двором и связанных с открытиями новых земель. В октябре 1494 г. в одном из своих писем-повествований в Ватикан П. Мартир высказал предположение о том, что Х. Колумб был вовсе не в Азии, и предложил называть обнаруженные им земли Новым Светом. Несмотря на это, авторство за ним признано не было. Объяснение тому находится в том, что его письма и содержащиеся в них утверждения уступали по известности письмам А. Веспуччи к Лоренцо Медичи.

Принимая во внимание те исторические перипетии, в которые был вовлечен континент, представляется важным проследить историю возникновения следующего его названия «Америка» с устоявшимся определением «Латинская», и вместе с тем задаться вопросом: адекватно ли оно той реальности, которую обозначает?

Известно, что своим появлением на карте мира Америка обязана Мартину Вальдземюллеру. Лотарингский картограф приписал открытие «четвертой части света», сделанное Х. Колумбом, А. Веспуччи и предложил назвать этот материк его именем. В своей работе «Введение в космографию» (1507) М. Вальдземюллер писал: «Теперь Старый Свет хорошо изучен, а еще один континент, четвертый, открыт Америго Веспуччи. ...И я не понимаю, почему бы эту часть света по праву не назвать именем его первооткрывателя Америго — страной Америго или Америкой».

Что же касается его второй составляющей, то определение «латинский», которое ведет свое начало от названия лежащей вблизи Рима области Латиум, распространялось на протяжении истории подобно волнам, расходящимся от брошенного в воду камня. Возникнув в Италии, оно перешло на колонии Римской империи в Европе, затем распространилось на страны и регионы, население которых говорило на языках, ведущих происхождение от латинского, и его энергии оказалось достаточно, чтобы дойти и охватить собой Южную Америку, колонизованную европейцами.

Как таковой термин «Латинская Америка» относят к XIX в. и связывают с именем Наполеона III. Французский император, придав конкретно геополитический смысл, обозначил им программу действий, отразившую роль и намерения Франции в отношении населения Нового Света. В 1861 г., в год начала Мексиканской экспедиции, термин впервые фигурирует в панлатинском журнале «Revue des races latines» в статье о событиях в латинском мире автора Ласара Мориса Тиссерана.

Между тем в «свидетельство о рождении» термина Латинская Америка, наряду с Наполеоном III и Л.М. Тиссераном, занесено имя французского экономиста Мишеля Шевалье, которому принадлежит идея проводить различия между двумя Америками через их связь с латинскими и англосаксонскими корнями Европы. Такое деление он проводит в предисловии к своей книге «Lettres sur l'Amérique du Nord», вышедшей в 1836 г., после поездки по Соединенным Штатам, Мексике и Кубе. В основном книга содержала впечатления и заметки, сделанные автором в предпринятом путешествии.

Для французской политики идея М. Шевалье о расово-культурных корнях Америк имела далеко идущие следствия. Свое идеологическое обоснование получает проект «объединения латинских народов». Заинтересованность Франции в присоединении к этому проекту латинских народов Америки была очевидна: во-первых, она обеспечивала себя необходимыми ресурсами для индустриального и технологического развития, во-вторых, препятствовала экспансии соперничающего с ней англосаксонского блока. Для романской Европы значение идеи М. Шевалье состояло в том, что по ту сторону Атлантики существуют народы,

которые могут заявить о своей принадлежности к широкому понятию «латинская раса». Идеология панлатинизма, нарождающаяся с 60-х годов XIX в., способствовала вытеснению иберийского мира из Америки, передав пальму первенства другим латинским нациям, в частности, Франции, взявшей на себя идеологическую, политическую и цивилизаторскую миссию в этом регионе.

Процесс именования «*terra incognita*» шел с легкой руки европейцев. Что же касается латиноамериканцев, непосредственным образом заинтересованных в нем, то их участие даже не подразумевалось.

В XX в. ситуация определенным образом проясняется с выходом ряда работ латиноамериканских авторов, посвященных данной теме. Испаноамериканские корни этого понятия были связаны с именами, в число которых вошли чилиец Франсиско Бильбао и колумбиец Хосе Мария Торрес Каиседо. Через обращение исследователей (2) к произведениям Ф. Бильбао и Х.М. Торрес Каиседо было выявлено, что термин «Латинская Америка» уже с 1856 г. имел хождение в среде испаноамериканской интеллигенции. Главным образом его возникновение связывалось с политической ситуацией, которую переживал южный континент.

Собственно на внутриконтинентальном уровне эта тема уходит корнями в начало XIX в. в боливарийскую идею экуменического универсализма. Проблематизация этой темы получает продолжение у Х.М. Торрес Каиседо в статье «*Agresiones de los Estados Unidos*», опубликованной им в «*Correo de Ultramar*» в июне 1856 г.

Хотя автор дает в ней определение Америке «испанская», но все же настоятельным образом подчеркивает важность реализации идеи С. Боливара создать конфедерацию наций Испанской Америки, акцентируя тем самым противопоставление юга континента северной англосаксонской Америке. В этом же месяце Ф. Бильбао в программном выступлении «*Iniciativa de América*» на конференции в Париже применяет к южноамериканскому населению понятие «латиноамериканская раса» и одновременно определяет Испаноамериканские республики как «Разъединенные Штаты» («*Estados Des-Unidos*»), тем самым поддерживает линию Х.М. Торрес Каиседо развивать боливарийскую идею их объединения. В сентябре того же 1856 г. Х.М. Торрес Каиседо в одной из частей своей поэмы «*Las dos Américas*» прямо дает определение Америки «латинская»:

...Раса Америки латинской
Противостоит саксонской расе —
Смертельный враг навис угрозой
Над знаменем и над свободой.
Америка Юга, твое призвание защищать,
Чего дороже быть не может:
Свободу подлинную, божественную мораль,
Любви и милосердия закон священный.
В глубоком мраке мир лежит:
В Европе деспотизм царит,
Америка на Севере под маской благочестия
Свой эгоизм, стремление к наживе прячет [15. Р. 182].

С начала 70-х гг. XIX в. понятие «Латинская Америка» прочно закрепляется как в печати континента, так и в творчестве интеллигенции, деятелей культуры, в частности Хуана Монтальво, Эухенио Мариа де Остос, Рубена Дарио и др.

Следует также обратить внимание на альтернативное название американского континента «Колумбия», которое предложил предвестник и участник Войны за независимость Франсиско де Миранда.

Однако это название оказалось нежизнеспособным, что объясняется и персоналистским характером термина, и спорностью для сознания латиноамериканцев фигуры Х. Колумба.

Хотя устоявшееся название континента — Америка также связано с конкретным историческим лицом, но, как ни парадоксально, для латиноамериканцев оно было абстрактным, что, по-видимому, и придало ему определенную устойчивость. Что же касается С. Боливара — Освободителя Южной Америки, то он предпочитал использовать для обозначения региона четыре термина: Америка, Юг Америки, Южная Америка и бывшая Испанская Америка.

На внутриконтинентальном уровне проблема поиска названия зависит не только от трудности выбора самого названия, но, как замечает Роберто Фернандес Ретамар, и от границ географического и исторического ареала, к которому мы пытаемся подобрать название. Выбор названия указывает на степень осознанности людьми того, что они стремятся постичь. Как в свою очередь заметил Артуро Ардао, незнание своего имени — это больше, чем незнание того, что ты собой представляешь. Это объясняет то, что в латиноамериканской истории и мысли поиск названия континента никогда не носил только прикладной характер, будучи связанным с идеями и идеалами, выступал объединяющим звеном ряда культурно-философских концепций, посредством которых решалась центральная для латиноамериканской рефлексии проблема культурно-цивилизационного определения «сущности Америки» и «американского человека».

Вопрос о поиске «сущности американского» («americanidad») может быть понят лишь с учетом историко-культурной ситуации, заложником которой оказался континент. Сложности формирования латиноамериканской общности, обусловленные как культурно-историческим и расово-этническим своеобразием, так и уровнями «бытования» [5. С. 78] — национальным, зональным, общеконтинентальным, поставили задачу в историческом развитии Латинской Америки — создать исчерпывающую и всеохватывающую формулу ее исторической судьбы, вывести проблему самоидентификации на общеконтинентальный уровень таким образом, чтобы в заданных географических границах возникли взаимодействия разнонаправленных векторов, одни из которых стремятся сохранить внутреннее своеобразие, но подрывают единство континента, а другие, сплачивающие, в основе которых лежит общность происхождения и судьбы его составляющих.

Образ Нового Света в философских и художественных произведениях Европы XVI—XVII вв. Для европейского мира открытие Нового Света не было тривиальным историческим фактом. У хрониста Франсиско Лопеса де Гомара читаем: «Самое большое событие после возникновения мира, исключая его создание и смерть сына его создателя, — это открытие Индий, и их так и назовут Новым Светом» [8. С. 65].

Весомость этого события Европа ощутила на всем пространстве своей культуры. Понятие «Новый Свет» стало революционным для европейского человека, ломая образ мира и разрушая его систему знаний, сложившихся к рубежу XV—XVI вв.

Принципиальная новизна открытого мира требовала адекватного себе понятийного аппарата, но входящие в познавательный арсенал европейского человека формально-логический или чувственно-образный способы теряли самодостаточность. Хрестоматийным в этом отношении является высказывание Эрнана Кортеса: «Не зная, как именовать эти вещи, я о них не говорю» (“Por no saber poner los nombres a estas cosas, no las expreso”). Для посланий-донесений того времени вполне характерными становились замечания их авторов о том, что они не знали обозначения нового предмета, в частности, у Бартоломе де Лас Касаса встречается: «я не помню названия» (“el nombre no me acuerdo”); «я не припоминаю их названия» (“no se me acuerda el nombre dellas”).

Преодолением тупиковой ситуации стала особая мыслительная конструкция, вобравшая в себя черты понятия и художественного образа-символа, превратившаяся впоследствии в ведущий инструмент познания европейца.

В отечественной науке, в частности, в востоковедении и латиноамериканистике, данную мыслительную конструкцию принято обозначать термином «мыслеобраз».

Мыслеобразы, возникшие в первоначальных интерпретационных схемах открытых земель, претерпели трансформацию и перешли в мифологемы. Свое отражение это нашло в объяснительных моделях, сложившихся в процессе познания европейским человеком реалий Нового Света. Первая модель закрепила за гуманистически-утопическим пониманием Америки, вторая носила явно натуралистический характер, и каждая линия-тенденция создавала свой образ восприятия континента. Возникновение оппозиционных представлений о сущности Америки объяснялось в основном европоцентристскими настроениями, определявшими мировоззренческие константы европейского человека. Первые идентификационные схемы задали ведущие мифологемы «Америка—Ад» и «Америка—Рай». Дисгармоничный и гармоничный образы Америки стали их содержанием.

Историческим примером данной оппозиции явилась острая полемика, состоявшаяся в 1550—1551 гг., участниками которой стали испанский богослов Хуан Хинес де Сепульведа и испанский священник Бартоломе де Лас Касас. Поводом к ней послужил вопрос: обладают ли обитатели земель, открытых Колумбом, человеческой природой? Х. Хинес де Сепульведа полностью отрицал человечность индейца, в свою очередь, Б. де Лас Касас утверждал индейца как равного европейцу, а в некоторых моральных достоинствах часто превосходившего последнего.

Взгляды обоих европейцев были сформированы в русле аристотелизма эллино-европоцентристского толка, основанного на теории «естественного» превосходства эллинов — «свободных по природе» над варварами — «рабами по природе». Несмотря на существование прогрессивных взглядов в общественной мысли колониального периода Нового Света, линия, которой придерживался Х. Хинес де Сепульведа, была преобладавшей в исторической практике региона.

В конце XVI — начале XVII в. оппозиционные мифологемы тематизируют философскую и художественную мысль Европы. Задается очередной ряд идентификационных моделей Нового Света. Хрестоматийными примерами в этом отношении становятся философское произведение Мишеля Монтеня «Опыты» [11. С. 188—199, 110—129] и литературное — «Буря» Уильяма Шекспира (3).

Французский философ стоит в ряду тех европейских мыслителей, которые поддерживают линию облагораживания индейцев. Рассуждая в русле гуманистических тенденций, задолго до Ж.Ж. Руссо, он создает образ «естественного человека», «доброе дикаря» — каннибала. Идеализировав человека Нового Света, М. Монтень нашел в его образе жизни соответствие мифическому «золотому веку», первоначальному состоянию человеческого общества, когда люди сохраняли природные добродетели, жили в мире и согласии, довольствуясь дарами природы, «не знали слов „мое“, „твое“ — рассадников всех зол».

Придерживаясь идеи исторического анахронизма, М. Монтень представляет образ доброго дикаря в качестве морального трамплина европейской мысли, что окажет влияние на последующее становление различных представлений европейских мыслителей, развивающих идеи возможности социального устройства на основе «закона природы» и идеи «естественного» человека.

Новый Свет укреплял веру европейца в возможность обновить прежние формы человеческих сообществ и противопоставить им иные, избавленные от пороков Старого Света. Гуманистическая традиция Европы придала идее возвращения к природе всемирно-исторический масштаб. «В определенной мере Европа совершила не открытие Нового Света, а возвращение к своим истокам... Поверив в обретение «золотого века» и земного рая, европейцы изгнали, словно бесовскую силу, подлинную действительность. В этой ностальгической операции Америка предстала воплощением всех достоинств, истинной землей обетованной» [1. С. 266].

Диаметрально противоположную позицию, заданную мифологемой «Америка—Ад», обозначил английский драматург У. Шекспир, которая в «Буре» образом Калибана создает формальную и содержательную анаграмму доброго дикаря-каннибала. Посредством литературных персонажей: Просперо — ученый книжник, Ариэль — дух воздуха, аллегорическое воплощение могущественных сил разума — «глубокий всепроникающий интеллект» [6. С. 136, 142], с помощью которого Просперо борется с Калибаном, У. Шекспир полемизирует с представителями гуманистически-утопических тенденций, ставит под вопрос возможность существования идеального человеческого общежития, опирающегося на «естественные» основания, и понимание доброго дикаря в качестве меры человечности.

Представление шекспировского произведения в качестве хрестоматийного примера не случайно. Связь образов драмы с обсуждаемой темой будет очевидной, если наполнить художественную символику конкретным историческим содержанием, что, по сути, и сделал драматург. В таком контексте отношения «Просперо — Калибан» символизируют отношения «Европа — Америка». Включение колонизированного человека в орбиту европейской цивилизации обозначит проблему отношений между Европой и Новым Светом.

На момент открытия новых земель в истории европейской культуры имелся опыт решения подобного вопроса, выраженный в моделях отношений: «госпо-

дин — раб» и «цивилизация — варварство». Эти вертикально выстроенные и собственные, главным образом, дохристианскому миру отношения имели в своем основании субъект-субъектные связи. С приходом христианства их вертикальный характер аннулируется утверждением равенства перед Богом. Что же касается реального порядка бытия, то доминантный характер и порядок связей, лежащих в его основании, остается неизменным.

В процессе взаимодействия с иной культурной реальностью Европа воспользуется старой дохристианской моделью, но предпочтет иной порядок связей не субъект-субъектных, а субъект-объектных. Существенное влияние на выбор связей окажет дисгармоничный образ Нового Света, заданный мифологемой «Америка—Ад». Иллюстративным примером, помогающим раскрыть суть отношений, заложниками которых будут Европа и Америка, станет одна из сцен «Бури», в которой Просперо обрушивает на Калибана поток упреков:

Ты гнусный раб, в пороках закосневший!
Из жалости я на себя взял труд
Тебя учить. Невежественный, дикий,
Ты выразить не мог своих желаний
И лишь мычал как зверь. Я научил
Тебя словам, дал знание вещей.
Но не могло ученье переделать
Твоей животной низменной природы (4).

Корень проблемы очевиден: ученый герцог занимает позицию этического солипсизма (Э. Дуссель) в силу инаковости дикаря Калибана выводит его фигуру за пределы субъект-субъектных связей, подчиняет его связям субъект-объектным как единственно возможным, иницируя иные отношения, определенные Гегелем как отношения «дух — природа». В них природа оказывается в подчинении человека, то же касается и дикарей-каннибалов, поскольку последние выступают ее частью. В этом случае направленные на объект, т.е. на природу действия, теряют моральное наполнение, становятся этически «нейтральными».

Не признавая, что грубое тело каннибала может быть обиталищем духа, Просперо видит не владеющего словом Калибана едва ли не воплощением зла. Бормочущий дикарь, который не способен говорить ясно, а следовательно, и ясно мыслить. Без логоса, а значит без слова и разума, он — варвар. Слово господина, «одоленное» дикарю, привносит в его существование переломный момент: открывает каннибалу иной порядок бытия, порядок бытия человека. Калибан, будучи таким образом включенным в него, получил возможность знать, кто он теперь и кем был прежде. Калибан, владеющий словом Просперо, стал способен давать определения и знать определяемое, уметь различать, разделять, не путать и не смешивать, и, осознавать различие между тем, что есть и тем, что было:

...Будь я проклят!...
Сам над собою был я господином.
Теперь я раб. Меня в нору загнали
А остров отняли!

Как в литературном пространстве через столкновение с Просперо к Калибану приходит знание о самом себе, так и в реальных исторических событиях — через столкновение с Европой Америка встает на путь длительного и болезненного исторического процесса самопознания.

Трактовка шекспировской драмы с позиции колонизованного мира позволяет очертить круг специфических проблем, обусловленных процессом трансплантации европейской культуры в Новый Свет. Он осуществлялся двумя путями: по иберийской модели и по англосаксонской. Если Север Америки шел по пути «подгонки» самой модели к новым «американским обстоятельствам», то для Юга была характерна прямо противоположная ситуация: трансформировались новые «американские обстоятельства» под старую европейскую модель. В последнем случае исходная историко-культурная ситуация станет решающей в определении коллизий Америки, которая будучи иной в сравнении с Европой, тем не менее, будет воспринимать ее в качестве нормы и меры подлинной духовности.

Дилемму, перед которой поставила история Америку, можно сформулировать следующим образом: либо совпасть со своим архетипом, но быть в тени Просперо, быть его отзвуком, либо отказаться от него, а значит найти своего Ариэля и доказать свою инаковость. Решение этой дилеммы раскроется в череде самоидентификационных моделей, посредством которых американский человек искал пути самообретения.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (*) Статья подготовлена на основании материалов, опубликованных ранее, и в настоящем виде представлена дополненной и расширенной. См.: О.Ю. Бондарь. Построение самоидентификационных моделей: латиноамериканская цивилизационная версия // Социокультурные практики: теория и методы исследования. Научный альманах. — 2011. — Т. 1. — М.: Изд-во ООО «Мэйлер», 2012. — С. 90—118.
- (1) Подробнее об этом см.: [12. С. 205—227; 14. С. 64—68].
- (2) См.: [15; 16. Р. 35—47; 17].
- (3) Пьеса «Буря» У. Шекспира станет неиссякаемым источником образов, которые прочно войдут в латиноамериканскую мысль в качестве устойчивого арсенала и будут ведущими в создании самоидентификационных моделей вплоть до второй половины XX в. Подробнее об этом см.: [2; 4].
- (4) Зд. и далее приводятся цитаты из: *Шекспир У. Буря* / Перевод М. Донского. — Полн. собр. соч. — М.: Искусство, 1960.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] Аинса Ф. Предчувствие, открытие и изобретение Америки // Хроники Открытия Америки 500 лет. Антология. — М.: Наследие, 1998. — С. 262—270.
- [2] Земсков В.Б. Какое завещание нам оставил Шекспир? Об американских источниках «Бури» // Вопросы литературы. — 1978. — № 6. — С. 218—240.
- [3] Земсков В.Б. Латинская Америка и Россия. Проблема культурного синтеза в пограничных цивилизациях // ОНС. — 2000. — № 5. — С. 96—103.
- [4] Земсков В.Б. Об историко-культурных отношениях Латинской Америки и Запада. Тяжба Калибана и Просперо // Латинская Америка. — 1978. — № 2. — С. 41—57; № 3. — С. 83—96; № 4. — С. 51—67.

- [5] *Земсков В.Б.* Самоидентификация и культура // Латинская Америка. — 2009. — № 7. — С. 75—88.
- [6] *Комарова В.П.* Шекспир и Монтень. — Ленинград: Изд-во Ленинградского университета, 1983.
- [7] Концепции историко-культурной самобытности Латинской Америки. — М.: Наука, 1978.
- [8] *Кофман А.Ф.* Америка несбывшихся чудес. — М.: Профобразование. — 2001.
- [9] Культуры: диалог народов мира. Латинская Америка: народы и культура. — М.: Прогресс, 1986. — № 3.
- [10] *Лас Касас Б.* История Индий. — М.: Наука, 1968.
- [11] *Монтень М.* Опыты. Кн. 1, 3. — М.: Наука, 1979.
- [12] *Померанц Г.С.* Теория субэкумен и проблема своеобразия стыковых культур // Выход из транса. — М.: Юрист, 1995.
- [13] *Шекспир У.* Буря / Перевод М. Донского. — Полн. собр. соч. — Т. 8. — С. 119—212. — М.: Искусство, 1960.
- [14] *Шемякин Я.Г.* Европа и Латинская Америка: Взаимодействие цивилизаций в контексте всемирной истории. — М.: Наука, 2001.
- [15] *Ardao A.* Génesis de la idea y el nombre de América Latina. — Caracas: Centro de estudios latinoamericanos Rómulo Gallegos, 1980.
- [16] *Rojas Mix M.* Bilbao y el hallazgo de América latina: Unión continental, socialista y libertaria // Cahiers du Monde Hispanique et Luso-Brasilien-Caravelle. — Toulouse, 1986. — № 46. — P. 35—47.
- [17] *Rojas Mix M.* Los cien nombres de América: Eso que descubrió Colón. — Costa Rica: Ed. de la Univ. de Costa Rica, 1997.

BUIDING SELF-IDENTIFICATION MODELS: LATIN-AMERICAN CIVILIZACIONAL VERSION

Part 1. From the beginning of continent
colonisation to XX century

Olga Y. Bondar

Department of Social Philosophy
Faculty of Humanities and Social Sciences
Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklaya str., 10a, Moscow, Russia, 117198

The self-identification models building process is being considered upon the examples of border civilizations in their complicity and specifics, and relation to historical and cultural contexts. The author reveals the essence of America and its people in two prospectives: external European and internal, proceeding from the core of the american reality.

Key words: otherness, colonization, Conquista, mythologem, New World, discovery, border civilization, self-identification, essence of America.